

Псковская школа кожевенного ремесла в средневековой Руси

Резюме. Болезненный процесс воссоединения Пскова с остальными землями Московского государства в начале XVI в. имел позитивное значение для максимально быстрого распространения передовых ремесленных технологий на значительных территориях централизованного государства. Причины сложения передовых традиций ремесла в Пскове надо видеть в длительных непосредственных торговых и культурных контактах Пскова, прежде всего, с городами Прибалтики, бывших проводниками западных традиций на территории Восточной Европы.

Ключевые слова: Московское царство, кожевенное ремесло, псковская школа ремесла.

Kurbatov A. V. The Pskov school of leather-working craft in Medieval Russia. The painful process of reunification of Pskov with the other lands of Muscovy in the early 16th century influenced favourably the most rapid spread of innovation manufacturing technologies throughout the vast territories of the centralized state. The impulses of development of advanced handicraft traditions in Pskov seem to have been effected by the long-term direct trade and cultural contacts of the city primarily with towns on the Baltic Sea which became conductors of the Western traditions in Eastern Europe.

Keywords: Muscovite tsardom, leather-working, Pskov school of tanning.

Введение. Многолетние археологические раскопки средневековых русских городов с «мокрым» культурным слоем позволили ввести в научный оборот коллекции кожаных предметов, которые, в сумме, охватывают весь хронологический диапазон Средневековья. Представительный состав многих коллекций показывает широкий спектр применения кожи в быту и хозяйстве средневековых горожан, а также дает возможность изучать технику, манеру работы кожевников, формы и способы декора изделий. При этом выделяются многие особенности кожевенной практики — все то, что обобщенно можно называть «культурой средневекового ремесла». Здесь важна сама возможность сравнения ремесленных традиций разных городов средневековой Руси применительно к каждому столетию и, таким образом, наметить местные и региональные отличия в работе ремесленников каждого городского центра, выявить конструктивные и стилистические особенности их продукции (Курбатов 2012: 8, 11).

Опыт обработки кожевенных материалов средневекового Пскова сегодня позволяет увидеть отличия этого ремесленного центра в кожевенном деле,

в том числе, самостоятельное развитие техники и технологии ремесла, творческое изменение технических приемов пошива и декора кожевенной продукции. Эти тенденции опираются: 1) на опыт кожевников в русских городах и 2) на использование опыта западных кожевников, передаваемого через непосредственные контакты с мастерами зарубежных городов, преимущественно лежащих в ареале Балтийского моря.

В отечественных исследованиях по русской средневековой культуре обычным выглядит раскрытие местного псковского стиля в произведениях искусства (см. Масленникова 1955; Постникова-Лосева 1968; Вздорнов 1968). Одним из последних примеров такого рода назовем работу В. М. Сорокатого о складне «Походная церковь» («Походный иконостас») из частного московского собрания. Автор датировал изделие началом XVI в. и отнес его к слою элитарного искусства Пскова (Сорокатый 2003: 372–374). Но будет неправильно сводить самобытность художественной и ремесленной культуры Пскова только к единичным произведениям церковного прикладного искусства. Элитными были и другие изделия, изготовленные по заказам знатных граждан. Однако самобытность псковского ремесла наиболее ярко проявляется только на массовой продукции, обыденное использование которой придает своеобразный местный колорит жизни средневековых псковичей. К числу такой продукции относятся изделия кожевников.

Археологические данные. В Пскове археологи зафиксировали несколько кожевенных и сапожных мастерских, а также отдельные комплексы кожаных предметов. В 1954 г. мастерская сапожника XII–XIII вв. была открыта на Советской улице в раскопе под строящийся Дома связи. При расчистке дощатого пола в срубе найдены скопления обрезков кожи, обрывки изношенной обуви, а также чехлы для ножей, ремни, деревянная колодка, доска-кроильня и другие предметы (Гроздилов 1962: 21; Оятева 1962: 94). Другая кожевенная мастерская найдена в слоях XIV в. на раскопе 1969 г. у Педагогического института. Здесь жил кожевник и, возможно, шерстобит, о чем говорит большое количество шерсти, обрезков кожи и наличие «двукамерного чана» с остатками извести рядом (Лабутина 1970: 26). Еще один участок по выделке кож исследован в Окольном городе в 1967 г., у пересечения улиц К. Маркса и Пушкина. Здесь, в слоях 9–11-го пластов найдено много шерсти животных, а также «ящички» (№ 2, 3, 4) столбовой конструкции, с остатками золы и извести внутри, а вокруг — шерсти. В целом, сооружения датированы серединой XVIII–XIX вв. (Лабутина 1994: 39, 41, Прил.: рис. 6–8). Также «следы мастерских по обработке кожи» отмечены в блоке раскопов на ул. Ленина в Старом Застенье. Обработка полевых материалов показала, что присутствовали площадные скопления кожевенных отходов, а также и захороненные в неглубоких ямах (Зубкова 2011: 92, 98, 107–108).

В последние годы также были выделены мастерские кожевников. В 2007–2008 г. при раскопках в районе Петровских ворот Окольного города, почти на всей площади раскопов Петровский VIII и IX отмечен минимальный уровень «фона» кожаных предметов — не более 10 единиц на 1 раскопочный квадрат. Но здесь выделяются и локальные скопления большого числа отходов от раскрытия в пластах 10–13. На раскопе Петровский IX они отмечены: в кв. 4 на уровне 12-го пласта — 2353 ед., в кв. 5 на уровне 12-го и 13-го пластов — 4379 ед., в кв. 13

на уровне 12-го и 13-го пластов — 15443 ед., в кв. 14 на уровне 12-го и 14-го пластов — 4443 ед., в кв. 22 на уровне 11–12-го и 13-го пластов — 4032 ед. и в кв. 23 на уровне 12-го пласта — 5574 ед. На соседнем раскопе Петровский VIII крупное скопление кожаных обрезков встречено только в кв. 168 на уровне 8-го пласта — 3476 ед. Данный квадрат примыкает с запада к квадрату 4 раскопа Петровский IX. Все указанные квадраты примыкают друг к другу, образуя компактный участок. Таким образом, скопление отходов производства строго ограничивается на площади прямоугольной формы размерами 8×4 м, что можно объяснять складированием отходов в помещении, между двумя постройками или в специальном мусорном ящике соответствующего размера.

Некоторые, относительно небольшие скопления обрезков от раскроя можно объяснять выбрасыванием отходов на дневной поверхности двора для ее выравнивания — засыпаны мелких луж и топких участков территории. Такие скопления кожи встречены на уровне 11–12-го пластов в кв. 25 и 26 — 200 ед., в кв. 40 на уровне 11-го пласта — 122 ед., в кв. 58 на уровне 10-го пласта — 106 ед., в кв. 77 на уровне 10-го и 11-го пластов — 217 ед., в кв. 85 на уровне 11-го и 12-го пластов — 146 ед., в кв. 93 на уровне 1-го пласта — 97 ед., в кв. 116 на уровне 10-го и 11-го пластов — 152 ед. и в кв. 132 на уровне 10-го пласта — 103 ед. Возможные части этих скоплений отмечены и в соседних с ними квадратах, где число находок составляет 40–80 единиц.

Отдельные скопления отходов имели небольшие, строго ограниченные площади концентрации. В них надо видеть заполнение ям (не менее трех), видимо, специально отрытых для производственных отходов кожевника. Судя по количеству обрезков, ямы были небольшими, специально сделанными для этих производственных отходов и использовались только единожды. Это значит, что небольшую яму специально выкапывал мастер-кожевник, когда у него скапливался небольшой набор отходов, который он хотел выбросить. После сбрасывания одного скопления отходов мастер засыпал яму, не оставляя ее до следующей партии отходов. Заполнение одной из таких ям надо видеть в скоплении обрезков, встреченных в кв. 96–97 на уровне 8-го, 10-го и 11-го пластов — 572 ед., а также в примыкающем к нему кв. 87–88 на уровне 10-го и 11-го пластов — 328 ед. Возможно, с разбросом верхней части заполнения этой ямы связана и концентрация на соседних квадратах: кв. 79 на уровне 10-го пласта — 108 ед., кв. 95 на уровне 10–11-го пластов — 442 ед., кв. 98 на уровне 10–11-го пластов — 235 ед. Вторая яма отмечена скоплением в кв. 103, 113, 114 на уровне 10-го и 11-го пластов — 496 ед. Третья яма маркируется обрезками в кв. 139, 148 и 149–726 ед.

Таким образом, мы наблюдаем на раскопе Петровский IX концентрацию кожаных обрезков, соответствующую деятельности именно на этой площади кожевничьей мастерской, специализирующейся на раскрое и пошиве кожаных изделий. Период работы мастерской можно связывать с сооружениями, фиксируемыми для большей части раскопа на уровне 9–10-го пластов. Большая часть отходов производства была сконцентрирована в одном месте — внутри сооружения или между двумя одновременными постройками. Меньшую часть отходов периодически закапывали в специальных ямах или сваливали во дворе, засыпая сырые ложбины на поверхности. Находки кожаных предметов ниже отмеченного уровня следует связывать с неровностями древнего

рельефа (кроме общего понижения к руслу р. Псковы) и топкими местами, которые засыпались отходами (Курбатов 2008а: 211–212).

Здесь следует отметить, что автор обрабатывал материалы раскопок только 2007 г., когда была полностью раскопана основная площадь этих раскопов. Прирезки, сделанные в 2008 г. в связи с изменением конфигурации планируемого здания, были незначительны по отношению к первоначальной площади. Один из авторов раскопок, Е. В. Салмина, дает свое объяснение открытых комплексов и вещевого набора. Она считает, что «полное отсутствие находок узкоспециального инструментария и малое количество находок нового кроя показало, что новое производство кожаных изделий в этом комплексе не отражено» (Салмина 2010: 39–40). Такая трактовка открытых объектов кажется излишне категоричной, учитывая зафиксированные объемы кожаных находок и опыт анализа скопленных кожаных отходов в других русских средневековых городах (Курбатов 2004а: 22–31).

Кроме того, следует объяснить противоречия между датировкой кожаного комплекса (конец XV — начало XVI вв.) и датировками псковских археологов по дендроспилам, полученным с открытых на раскопах построек. Самые ранние дендродаты получены с частоколов (1565 г.), а также с бревен-подкладок (1567 и 1569 гг.). Ясно, что немногочисленные остатки сооружений XVI в. не дают возможности определить их характер и назначение, а дворовые участки выделяются только по частокольным канавкам. Следующий этап застройки, выделенный по строительным остаткам, относится уже ко второй четверти XVII в. (Салмина 2010: 40–41). Исходя из этого, может возникнуть сомнение в правильности отнесения большей части кожаных предметов ко времени, предшествующему сохранившейся застройке. Тем не менее, изложенные нами аргументы в пользу предложенной датировки и сегодня мы считаем правильными. В коллекции действительно есть набор вещей, прежде всего обувь, которые надо относить к XVII в. Но эти обувные детали относительно немногочисленны и имеют характерные признаки конструкций, определенно связанные с комплексами отмеченного времени в разных городах Московского государства, в том числе и в самом Пскове. Их определенно нельзя заносить в один временной интервал бытования с предметами конца XV — начала XVI в., в чем убеждают находки в комплексах из разных городов. Именно эти ранние находки стали толчком к выделению признаков самобытности псковского кожаного ремесла, сложение которого фиксируется, по крайней мере, в конце XV — начале XVI в.

Приемы выделки кож. На Петровских раскопах VIII и IX многочисленные обрезки от раскроя новых кож показывают использование разного сырья, а также различные способы выделки кож. Визуально (органолептически) выделены кожи КРС, МРС, немногочисленные кожи лошадей и несколько обрезков кож тюленей или моржей. Это мягкая и эластичная кожа толщиной 2,0–3,0 мм, выделанная методом жирового дубления. Но основная масса кожи выделана способом таннидного дубления и в документах эпохи Московского государства называлась *краснодубной* или *красной*. Существующее мнение историков и филологов, что название *красная* означало «крашенные кожи» или «кожи высшего качества» (Словарь... 1981: 20–21) не учитывает использования в то время кож жирового дубления (*замша, ровдуга, мячина*) и кож квасцевого дубления

(*тим и кордуан*). Краснодубная кожа преимущественно выделывалась из шкур КРС, МРС и конских. В зависимости от возраста забитых животных, а следовательно толщины и качества шкур, надо предполагать использование разных технологических норм выделки. Но судить об этом можно только по результату — козам, находимым в культурном слое. Среди сырья выделяются очень толстые бычьи кожи — до 5 мм и более. Судя по жесткости и малой расслоенности, эти кожи имели достаточно глубокий и качественный продуб, что достигается преимущественно длительным дублением в нескольких дубах. Надо полагать, что к рубежу XV–XVI вв. в практике кожевников уже были и особые методы насыщения толстых подошвенных кож золой, для увеличения их жесткости. В это время в крупнейших центрах кожевенного ремесла встречаются и особые кожевенные мастера-подошвенники: «[1583] Лав(ка) Павлика Никитина сына... а ныне по закладной кабале владеет Истомка Григорьев сын с Федоровы улицы подошвенник» (Словарь... 1990: 33).

Состав найденных отходов кожевенного ремесла помогает ответить на вопросы о специализации мастера-кожевника, об организации работы и технических нормах пошива кожаных изделий. Надо отметить и значительную унификацию качества выделки использованной кожи. Больше всего обрезков принадлежит плотной, хорошо выдубленной коже КРС толщиной 1,1–2,0 мм. Значительно меньше встречается кож МРС. Некоторую часть отходов представляют кожи хорошего качества дубления, толщиной 4,0–5,0 мм и более. Основная масса обрезков принадлежит коже, используемой первый раз. В данной коллекции этот показатель значительно превышает норму, отмеченную на других памятниках, например, в материалах Тверского кремля конца XIII — первой половины XV в. Выделяется очень большое число обрезков с края кожевого листа, в том числе и обрезки с негативами раскроя.

Вторая по величине, составляющая материала — это голенища сапог и детали рукавиц-голиц (рис. 1–4). Голенища лучше всего сохранялись при износе обуви и всегда использовались повторно. В составе отходов выделено большое число обрезков этих деталей, кроеных из плотной, жесткой или эластичной кожи КРС или МРС толщиной 1,5–2,5 мм. Особо надо подчеркнуть фактор износа всех рукавиц, встреченных в настоящей коллекции. Это особо важно для интерпретации комплекса. Их обрезание связано с возможностью использования вторично некоторых частей, которые не стирались при эксплуатации. Выделению этой группы изделий помогает стандартная форма деталей, сочетание формы и вариантов швов, а также специфичность эксплуатационной деформации и стертости поверхности рукавиц. Всего выделено 609 деталей и обрезков рукавиц, не считая множества мелких обрезков, принадлежность которых рукавицам менее очевидна. Данный показатель не имеет сравнительных аналогов в отечественных коллекциях. Можно отметить, что единственная, кроме псковской, специализированная мастерская рукавичника найдена в Твери, но ее деятельность относится уже к XVIII в. (Курбатов, Мирецкий 2011: 273 и сл.).

Своеобразие состава кожаных отходов показывают их большой объем и сама форма обрезков. В коллекции преобладают мелкие нитевидные и узкие обрезки кожи, а также подтреугольные обрезки с вогнутыми краями. Первые являются остатками от подгонки краев деталей после их сшивания друг

с другом, когда необходимо выровнять оба края шва, а последние — негативами от раскроя определенных видов деталей со скругленными краями, например, рукавиц или головок обуви (рис. 1, 2).

Состав находок позволяет говорить о существовании на месте Петровских раскопов в самом конце XV в. специализированной мастерской по пошиву кожаных рукавиц. Здесь же короткое время (1499–1501 гг.) работал и сапожник, шивший специальную воинскую обувь — своего рода «армейские сапоги» на толстой подошве, с пришитыми подметками толщиной 4–5 мм и укрепленные по краю гвоздями с широкой шляпкой (рис. 5–6). Пошив такой обуви надо считать специальным заказом властей в преддверии войны с Ливонским орденом (Курбатов 2009а: 416 и сл.). Такая узкая специализация в других русских городах XV–XVII вв. на сегодня не имеет аналогов.

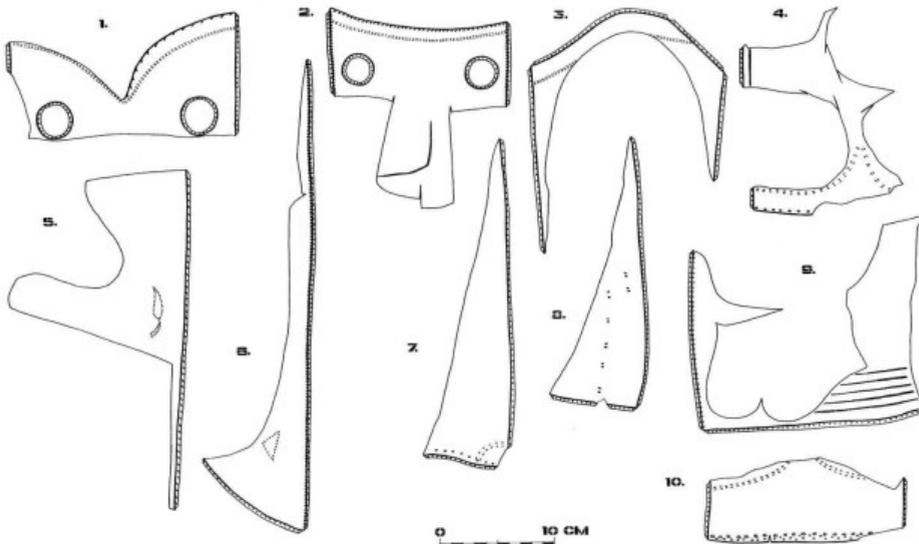

Рис. 1. Псков, раскоп Петровский IX, обрезки кожаных голенищ.

Fig. 1. Pskov, Petrovsky IX excavation area, scraps of leather boot-tops.

Особые формы работы. В материалах раскопов IVA и XIV на ул. Ленина были выделены особые приемы работы псковских мастеров-обувщиков. К ним можно отнести особенности раскроя, декора и ремонта, встречаемые на многих деталях обуви. В частности, это высокая степень практичности псковичей в использовании изношенных кожаных изделий. Многие детали изношенной обуви — голенища, головки, задники и подошвы несут на себе следы повторного пришивания к обуви, или же по отдельности использовались вторично для пошива иных изделий. Показательны детали подошв, из которых вырезали вкладыши в карман задников сапог. Верх туфель использовали для

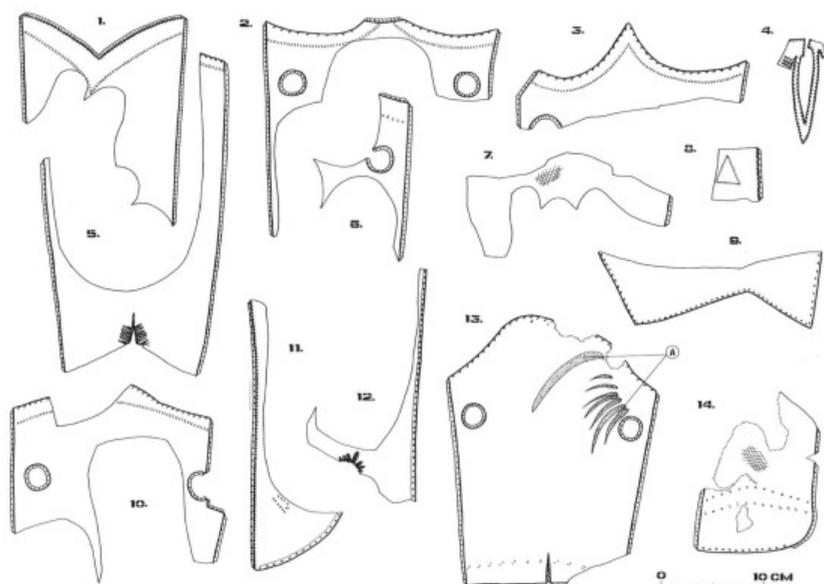

Рис. 2. Псков, раскоп Петровский IX, кожаные голенища: 1–12 — обрезки; 13, 14 — целая и обрванная детали; А — стертые участки *мереи*.

Fig. 2. Pskov, Petrovsky IX Excavation, leather boot-tops: 1–12 — scraps; 13, 14 — a complete and a fragmentary detail; А — worn areas of designs on leather.

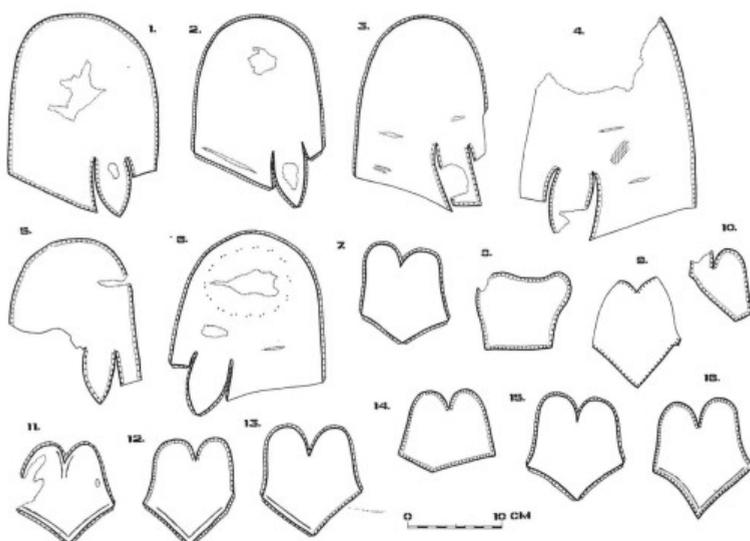

Рис. 3. Псков, раскоп Петровский IX, кожаные рукавицы-голицы: 1–6 — основные детали раскроек; 7–16 — отдельные детали для большого пальца.

Fig. 3. Pskov, Petrovsky IX Excavation, leathern *golitsa*-mittens: 1–6 — the main cut-out parts; 7–16 — separate parts for a thumb stall.

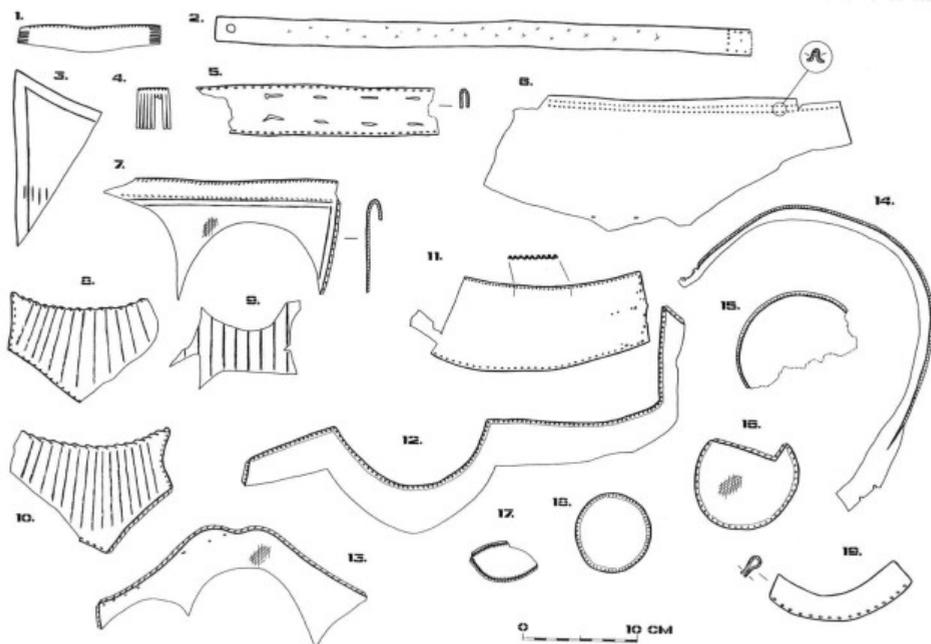

Рис. 4. Псков, раскоп Петровский IX, обрезки и фрагменты сумок-омоньеров и неопределенных изделий.

Fig. 4. Pskov, Petrovsky IX Excavation, scraps and fragments of *aumônière* bags and unidentified objects.

многослойных подошв сапог, а сношенные сапоги, после обрезания голенищ и починки подошв, использовали в качестве низкой (рабочей?) обуви — *скрешней*, для чего в задниках и головках делали прорезы для пропуска обор (Вахрос 1959: 169). Порезанные или порванные участки изделий зашивали с использованием накладной или вшивной заплата. Встречаются индивидуальные методы ремонта порезов на подошве, когда узкая полоса кожаной заплата вставляется петлей в отверстие и пришивается с обеих сторон (Курбатов 2006: 109–110). Такой рационализм предполагает существование особой группы мастеров, занимавшихся в основном ремонтом старых изделий. Такая мастерская, где работал ремонтник на рубеже XV–XVI вв., впервые найдена на Васильевском раскопе и не имеет археологических аналогов в русских городах (Курбатов, Харлашов 2004: 151–152).

В русских городах, где правовая регламентация ремесла в городах, видимо, еще не была достаточно разработана в XV–XVII вв., историки не выделяют ремонтную специальность даже в крупнейших центрах — Новгороде и Пскове (Чистякова 1950: 198–199). Но отдельные мастера-ремонтники были известны. В писцовой книге по Ярославлю 1646 г. отмечены *крапачишка сапожные* (Словарь... 1981: 72). Ремонтом также занимались в Ростове: «[XVII] Дворишко бобыля Тимошки Иванова сына Недошивина... подшивает скорни» (Словарь... 2000: 242) и в Корельском монастыре: «[1559] Делать мастеръ шестеры сапоги

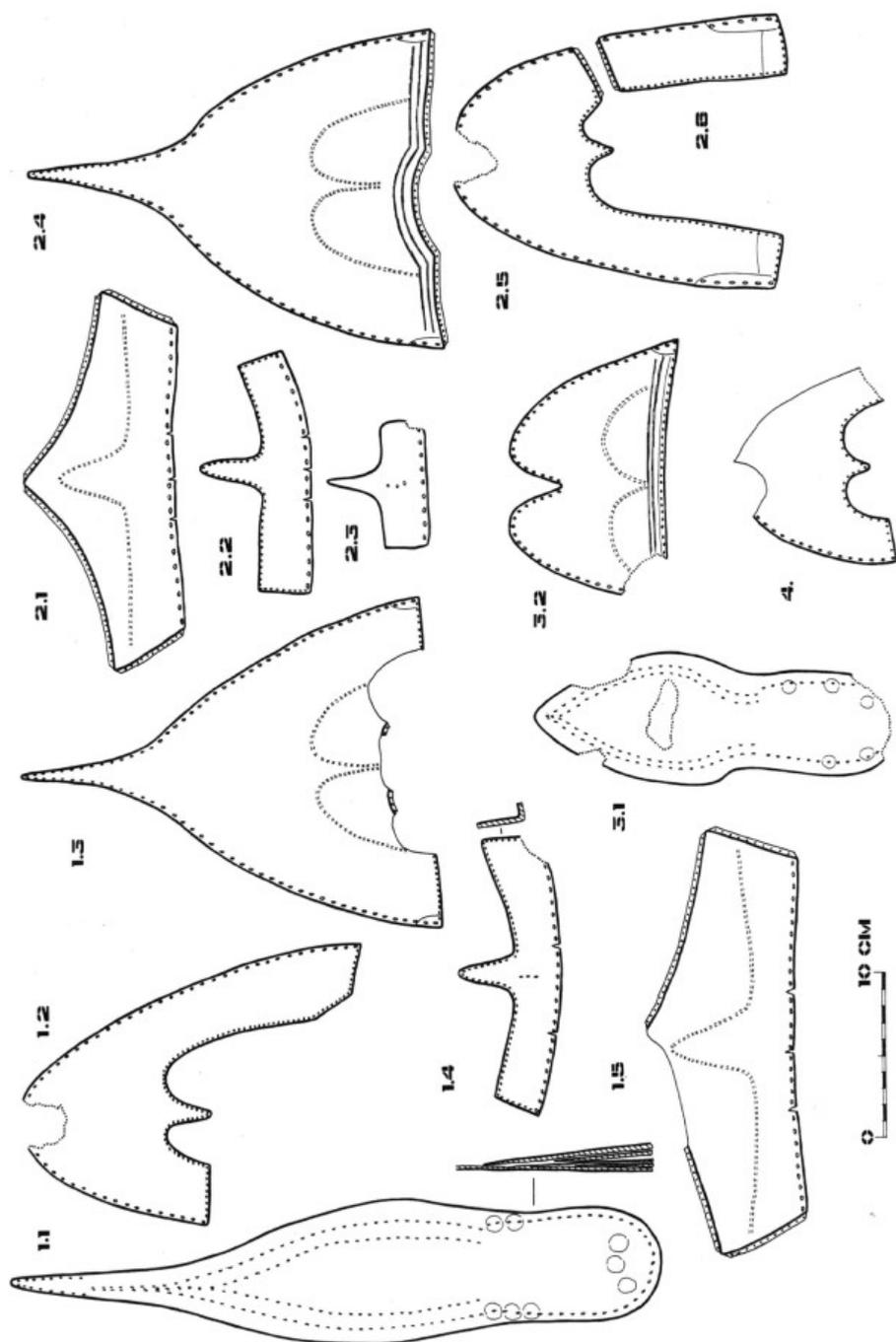

Рис. 5. Псков, раскоп Петровский IX, наборы и отдельные детали кожаных сапог.
 Fig. 5. Pskov, Petrovsky IX Excavation, sets and separate parts of leather high boots.

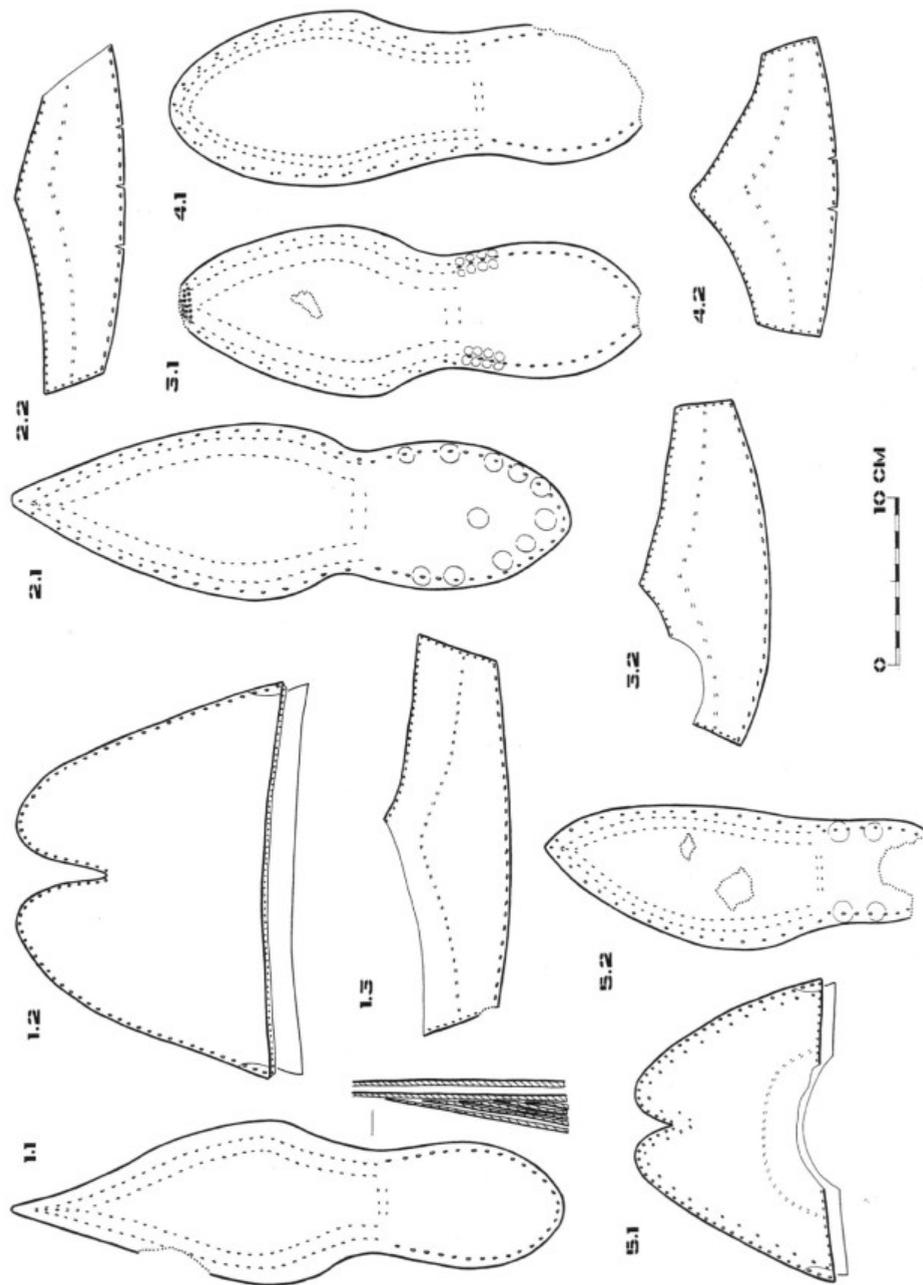

Рис. 6. Псков, раскоп Петровский IX, наборы деталей кожаных сапог.
Fig. 6. Pskov, Petrovsky IX Excavation, sets of parts of leather high boots.

ловчие да дватцатеры пришвы» (Словарь... 1981: 78). *Пришвы* здесь надо рассматривать как отремонтированную обувь.

О специализации на ремонте изношенных вещей говорят и регламенты торговли в лавках: «[1688] А въ лавкахъ или в полатахъ торговать яблоками, и сапогами, новыми и ветошными товары»; «[1643] Въ сапожномъ ветчаном ряду лавка деревянная на три затвора» (Словарь... 1975: 123, 127). Конечно, *ветошники*, упоминаемые в деловых записях, могли иметь широкий профиль деятельности — скупка, перешив и продажа старых и поношенных вещей. Однако следует помнить, что высокая цена товарной кожи и изделий из нее (Маньков 1951: 96) вызывали необходимость продления службы обуви посредством ее ремонта, что неоднократно записано в расходных книгах: «[1589] Даваль подь сапоги подшивать подошвы» (Словарь... 1989: 210).

Особым — псковским — вариантом декоративного оформления мягких низких туфель в XIII–XIV вв., и отчасти в XV в., можно назвать особый «стиль» расшивки носка цветными нитями. Если сама расшивка такой обуви представляется явлением повсеместным для древнерусских городов указанного периода, то орнаментальные мотивы и сюжеты, их сочетание и цветовое оформление могут быть признаками популярности в городской среде отдельных регионов и областей.

Декор туфель на раскопе XIV на ул. Ленина представляет вариации расшивки цветными нитями носка и «воротника». Большинство вариантов расшивки включают широкую полосу по оси носка, дополненную рядами завитков по бокам. Преобладает вариант из нескольких продольных линий расшивки (6–8), между которыми, на оси носка, лежит ряд вышитых кругов. Также выделяются вариации с 7–9 продольными расшитыми линиями, но без кругов, и сочетания продольных и поперечных полос (Курбатов 2006: 98). Именно вариант расшивки продольными линиями с центральным рядом вышитых кругов, судя по имеющимся данным, можно рассматривать как особый «псковский» мотив (рис. 7).

Сшивные и декоративные нити нередко находят при раскопках на кожаных вещах. В лаборатории института судебной экспертизы г. Минска были изучены нити на обуви XII–XIII вв. из Минска. Здесь выделены два вида расшивочных (декоративных) нитей — шерстяные и шелковые. Шерстяные нити (из остевых, переходных и пуховых волосьев овец) на обуви имели темно-коричневый цвет. Под микроскопом были выявлены следы их первоначальной окраски в красный и оранжевый цвета. Подобные наблюдения есть и для других городов. Е. И. Оятева писала о сохранившихся нитях расшивки на мягких туфлях из Пскова. На одной туфле была видна первичная окраска нитей: на кружках — красного цвета, а на завитках — зеленого. На воздухе кружки приобрели коричневато-бурую окраску, а нити завитков распались. Осмотр вышивки в бинокулярный микроскоп позволил выявить мельчайшие нити красного цвета (Фадзеева 1984: 79; Оятева 1962: 81).

Обувь с заостренным носком и появление сапог «русского типа». В псковской обуви рубежа XV–XVI вв. можно выделять и формообразующие признаки, и чисто декоративные. Первые очень показательны в формах сапог с сильно вытянутым и заостренным носком подошвы, которому соответствует такой же вытянутый носок на головках. Эти модели отличаются от одновременных им в западных странах большей длиной носка и способом его оформления. Головки западных моделей имели небольшой носок (3–5 см),

свернутый в трубочку и вытянутый вперед. Такие изделия тоже находят в русских городах. Псковские же модели местного пошива имели длинный сужающийся носок и на головке, и на подошве, сшиваемые потайным швом. Этот носок был загнут вверх (рис. 5, 8). Кроме того, они скроены из местной кожи хорошего качества выделки, а манера сшивания выдает работу псковских мастеров. По нашим наблюдениям, западные модели с вытянутым носком бытовали в русских городах в последней четверти XV в. и отражают стиль европейской готической моды (Курбатов 2004а: 106, 108, 111). На сегодня, подошвы с очень длинными заостренными носками, кроме Пскова, отмечены в Новгороде, Чернигове и Гдове (Курбатов 2004б: 102 и сл.). В Пскове они уступают место русским вариантам этого стиля уже к рубежу XV–XVI вв., что демонстрируют находки на Васильевском и Петровских VIII–IX раскопах (Курбатов 2008: 219; Курбатов, Харлашов 2004: 146–147). Новая обувь имеет другой вариант оформления длинного носка — он вшивался в соответствующий вырез на головке (рис. 6). Это дальнейшее развитие фасона с длинным носком подошвы получило широкое распространение во многих русских городах в первой половине XVI в. Вместе со шшитым носком подошвы появились и другие стилевые элементы: 1) обшивка верхнего края голенища, 2) круглые вырезы на голенищах, 3) набивание мелких декоративных бронзовых или железных гвоздей на загнутый вверх носок подошвы и на задник, 4) оплетка из медной проволоки и растительной нити на заднике, 5) зубчатые вырезы по нижнему краю передней половины голенища, в которые для герметизации вставлялась узкая кожаная прокладка.

Особо остановимся на одном из отмеченных признаков, это — ровные круглые отверстия диаметром 2,3–3,5 см у верхнего края голенища, по бокам. По краю отверстий всегда находится точной шов, что предполагает вшивание какого-либо материала (рис. 1, 2). До последнего времени таких вшивавшихся деталей не находили. В материалах Петровского IX раскопа впервые были найдены обрезки голенищ с пришитыми в вырезах тонкими кожаными прокладками, оставлявшими открытой внутреннюю часть вырезов (рис. 9). Такое оформление позволяет считать вырезы не декоративным, а прагматичным элементом сапог, помогающим при натягивании голенища на ногу. По предварительным оценкам, сапоги с голенищем, имевшим все три описанных черты, среди всех сапог могли составлять 10–15 %. В настоящее время псковские находки являются наиболее ранними примерами такого стиля, имеющими и точную «узкую» дату появления. Близкие к ним по стилю изделия из Ивангорода можно датировать только концом XV — первой четвертью XVI в. (Курбатов 1991: 72–73; Курбатов 1997: 118–119), а находки в Москве на ул. Ильинка имеют еще более широкую датировку — весь XVI в. (Векслер, Осипов 2004: 336–338, рис. 4, 6). При этом московская находка целого сапога с 4 круглыми вырезами в верхней части голенища (Осипов 2006: илл. 64–65) имеет несомненное стилистическое сходство с псковскими изделиями рубежа XV–XVI вв. и может быть отнесена к изделиям псковской традиции. Следует отметить и большое разнообразие сапог «русского» стиля, встреченное в комплексе первой половины XVI в. в Ивангородской крепости (Курбатов 1991: 71–73). По документам и топонимическим данным известно, что много строителей крепости и первых жителей посада были псковичами по рождению и обретению производственных навыков (Косточкин 1952: 253–254).

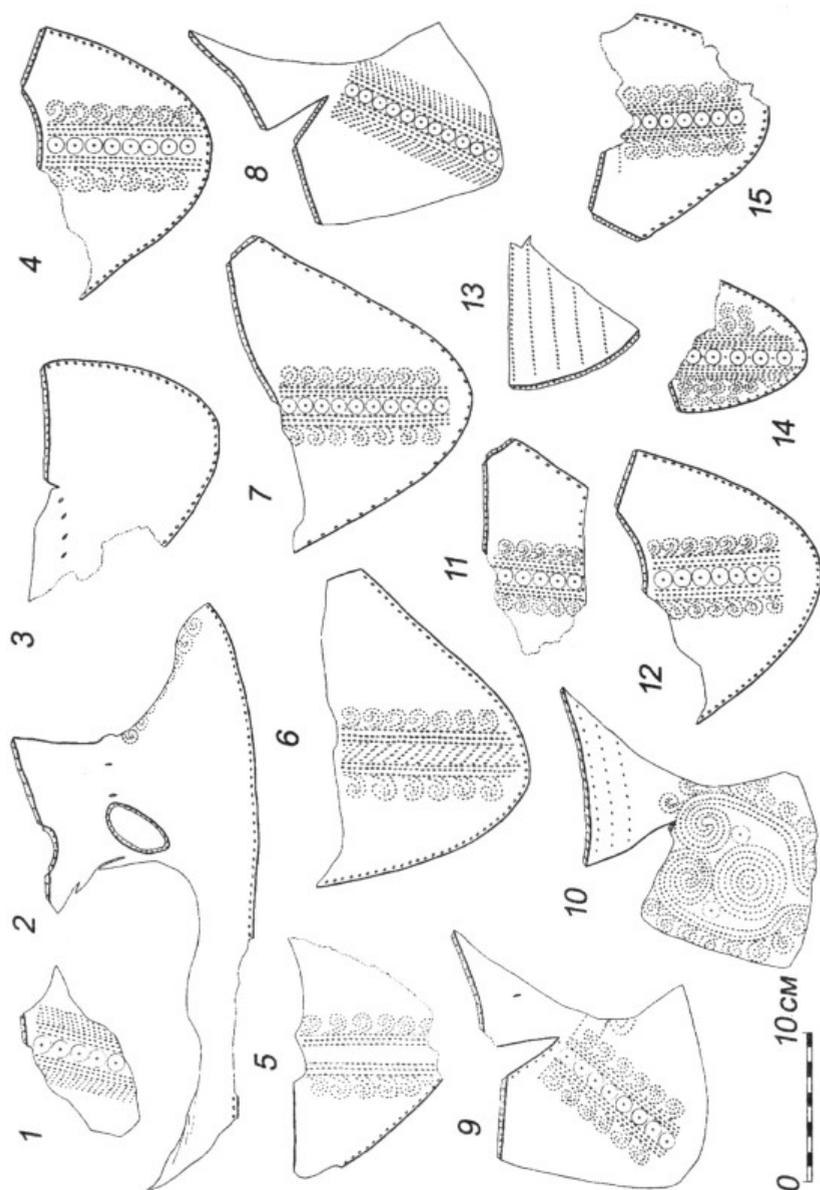

Рис. 7. Псков, раскоп XIV на ул. Ленина, орнамент мягких туфель.
 Fig. 7. Pskov, ul. Lenina XIV Excavation, decor of soft shoes.

Рис. 8. Псков, раскоп Петровский IX, головка сапога с загнутым вверх заостренным носком. Фото автора.

Fig. 8. Pskov, Petrovsky IX Excavation, high boot vamp with the pointed toe turned up. Photo by the author.

Письменные источники. Наиболее ранние свидетельства высокого развития ремесла в Пскове можно видеть в сведениях о торговых контактах Пскова с Ригой (Назарова 1998). Для XI–XII вв. известны связи Риги с Полоцком и Псковом, а через них — с другими древнерусскими городами. В «Хронике» Генриха Латвийского отмечены постоянные поездки псковичей в Латгалию вплоть до Риги. О событиях 1208 г. сказано: «Слово божье они приняли с радостью, но прежде все-таки бросили жребий, желая знать волю богов, принять ли им крещение от русских из Пскова, как другие лэтигаллы в Толове, или от латинян. Дело в том, что русские в это время приходили крестить своих лэтигаллов в Толове, всегда бывших их данниками» (Генрих Латвийский 1938: 113).

А. В. Цауне отмечал, что первый торговый договор, открывший рижским купцам путь на Русь, по данным «Хроники Ливонии», был заключен с полоцким князем в 1210 г., что могло привести к сооружению в новом городе Риги подворья русских купцов (Цауне 2004: 347). Позднее он пришел к выводу, что самостоятельное «Русское подворье» могло возникнуть еще до заключения этого договора. Русские торговцы упоминались в документе 1209 г., подтверждавшем легитимность власти рижского епископа над городом. Существование русского подворья до 1222 г. следует из буллы Папы Римского Гонория III,

Рис. 9. Псков, раскоп Петровский IX, обренок голенища со вшитой в круглый вырез кожаной прокладкой. Фото автора.

Fig. 9. Pskov, Petrovsky IX Excavation, boot top with a leather liner sewn into a round cut. Photo by the author.

в которой упомянуты жалобы епископа Альберта на русских, поселившихся в Ливонии. В частности, что русские проклинаят латинскую веру, не соблюдают постов и разлучают браки людей, принявших новую веру. Последнее означает, что жившие в Риге русские имели своих православных священников, которые отправляли религиозные службы и исполняли должности писцов (Цауне 2009: 534–535).

Ранние свидетельства прямых рижско-псковских связей объясняют большое количество обуви древнерусских фасонов, найденной в древнейших слоях Риги. В. Бебре объясняла это перениманием рижскими обувщиками приемов изготовления обуви, характерной для соседних русских земель. По нашему мнению, в этом надо видеть свидетельство приездов и длительного нахождения в Риге русских купцов, носивших обувь, пошитую в русских городах (Бебре 1987: 26–27; Курбатов 2011: 192–193).

Товарное значение кожаных рукавиц-голиц на внешнем рынке подтверждают документы, отмечающие вывоз в ливонские города этих русских ремесленных изделий, вероятно, начиная с конца XV в. Известны имена псковичей, торговавших в Риге в конце XV — начале XVI вв.: кожевник Арсений, портной мастер Стефан, котельники Моисей и Тимоха, Семен Иголка, Иван и Василий Цюзоновы (Хорошкевич 1980: 29, 58–59).

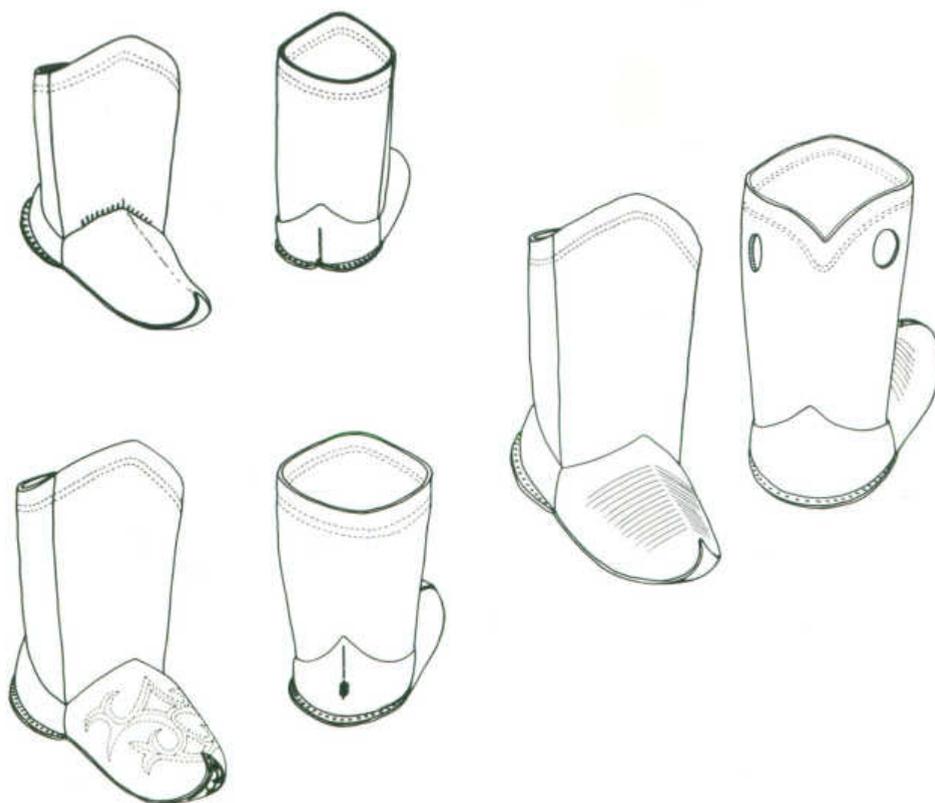

Рис. 10. Ивангород. Реконструкция фасонов сапог первой половины XVI в.

Fig. 10. Ivangorod. Reconstruction of high-boot styles of the first half of the 16th century.

До XVI в. письменные источники скупы на упоминания в Пскове ремесленников-кожевников. Едва ли не единственным является сообщение Псковской летописи: «[1450] Погоре весь Псковъ...а загорелоя от Хытре кожевника, от Буркове лавици, от кутнего костра, и горело полтьоре ноци да день» (Словарь... 1980: 367). Но затем, кожевники и сапожники называются в разных учетных книгах, где указаны и торговые ряды кожевенных товаров. «[1587] Въ Рукавичномъ и въ Клетном и въ Колпачномъ ряду, идучи отъ Болшово ряду по заолтарью Аксиньи святой къ старому Пушечному двору на Санную ниву, по левой стороне» (Словарь... 1978: 253). Эта запись сделана в рукописи, которую В. Нечаев классифицировал как «приправочная» или «платежная» книга 1585–1587 гг. В ней пречислялись лавки, пожни, рыбные ловли и другое имущество, облагаемое налогом (Псков... 1913: IX). Приводимая выдержка озаглавливает раздел, в котором перечисляются владельцы лавок в данных рядах, а также суммы налога с них. Хотя, надо полагать, что в этих лавках торговали самыми разнообразными товарами, как это видно по записям о других рядах (там же,

45–47). Из того же документа известно наличие кожевного производства на Полонище, ближе к Пскове: «[1587] Варница кожевная на островку Богоявления господня изъ Бродовъ, оброку полтина» (Словарь... 1980: 220–221). В нем приводятся и другие «держания» псковичей: «Пож. Филиповская Тимофеева, кожевника зъ Завеличья съ Котова всхода»; «Лав. Первуши Михайлова сына кожевника, живеть въ Застенье, оброку 4 алтыны» (Псковский... 2004: 299–300).

Для начала XVII в. есть запись в Псковской 1-й летописи под 1606 г. о псковитине Еремее сыромятнике, который сочувствовал тушинцам (Бахрушин 1952, 1: 227).

Для середины XVII в. известны купчие документы Сергея Ивановича Поганкина, приобретшего в 1655 г. кожевный двор на Вершаниной Ниве в Завеличье, на окраине городской застройки. В 1656 г. Поганкин прикупил «подле его же, Сергеева кожевного двора, порозжего места» какое-то количество земли (Евлентьев 1870-А: 44–45). Там же записано и другое имя: «[1658] Софья Михайлова дочь поступилась есми... Аврамьеву сыну Цветкову, кожевнику, лавки мужа своего Елисея» (Псковский... 2004: 299–300).

Кроме того, с псковскими мастерами кожевниками можно связывать и записи в приходо-расходных книгах Псково-Печерского монастыря 1674–1675 гг.: «Дано три алтына две деньги за работу посацким жильцом Васьки Кульпы зделал в сушило безмень да Саньки Мякково сыну зделал мнстрьскую кожу на сыромять на узды» (Псковский... 2004: 296–297); «Въ Е день взято десять алтын пошлин с лавошные продажи у пачковского жильца у Логишка Алексеева что он продал лавку свою на посаде в ряду пачковскому ж жильцу Анишки кожевнику с рубля по гривне» (Псковский... 2004: 299–300).

О внешнеторговых оборотах кожевными товарами на псковском рынке имеется любопытная выпись в таможенных книгах Немецкого Гостиного двора во Пскове, где описаны приезд и торговля «любекского немчина» Пантелейка Иванова: «[1631] Сентября въ 13 день псковитинъ Гарасимко Ивановъ Погорелянинъ продалъ любскому немчину Пантелейку Иванову 28 лосинь, цена 80 рублевъ. Сентября въ 15 день псковитинъ Трифонко Устиновъ продалъ ему жъ, Пантелейку, 40 лосинь, взял 120 рублевъ... Октября въ 5 день псковитинъ Онофрейко Андреевъ Сырейщикъ продалъ тому жъ немчину Пантелейку Иванову 100 кожъ яловичьихъ, взялъ по 11 алтынъ по 4 денги за кожу. Тогожъ дни псковитинъ Трифонко Устиновъ продалъ Пантелейку 10 лосинь, взялъ за 40 рублевъ. Октября въ 18 день псковитинъ Трифонко жъ Устиновъ продалъ ему жъ, Пантелейку, 36 лосинь, взялъ 120 рублевъ... Октября въ 23 день псковитинъ Онофрейко Ондреевъ Сырейщикъ продалъ Пантелейку 270 кожъ яловичьихъ, взялъ по 11-ти алтынъ по 4 денги за кожу. Октября въ 25 день псковитинъ Трифонко Устиновъ продалъ ему жъ, Пантелейку Иванову, 30 лосинь, взялъ 90 рублевъ. Ноября въ 4 день псковитинъ Иванко Устиновъ продалъ ему жъ, Пантелейку Иванову, 200 лосинь, цена 660 рублевъ, денги взяты... Ноября въ 29 день псковской стрелець Петрова приказу Ногина Богдашко Фоминъ продалъ любскому жъ немчину Пантелейку Иванову 8 лосинь, взялъ 12 рублевъ. Декабря въ 1 день псковитинъ Онофрейко Ондреевъ продалъ ему жъ, Пантелейку, 300 кожъ яловичьихъ, взялъ 99 рублевъ. Декабря въ 5 день псковской стрелець Петрова приказу Ногина Микифорко Юрьевъ Ржевитинъ продалъ ему жъ, Пантелейку Иванову, 12 лосинь, взялъ 40 рублевъ» (Псков... 1914: 29–30). Эту запись

можно считать лучшим подтверждением записи Джильса Флетчера о том, что среди русских кож наибольшим спросом европейцев пользовались лосиные кожи (Флетчер 1906: 12–13; Курбатов 2009б: 125).

Широту специализации кожевенных мастеров в Пскове и производимой здесь кожевенной продукции отражает словарь Тони Фенне, составленный в 1607 г., во время его проживания в Пскове. Словарь был впервые издан в 1609 г. и переиздан в Дании уже в настоящее время (Hammerich, Jakobson 1970). Он включает более 4000 слов, разбитых на разделы. К кожевному делу относится многочисленная группа слов, в том числе названия ремесленников — по роду производимой ими продукции: *сапожник, ступник, ноженичник, седельник, скорнячник, овчинник, калитник, ременник, сырмятник* (не имеет английского и немецкого аналога), *мошник*. В словаре содержится и широкий спектр названий домашнего скота: *бык, вол, корова, теля, конь, жеребец, лошадь, коза, козел, овца, боран, ягнятка, борашек, дойная корова, яловая корова, свинья, поросля*. Из конской упряжи названы *узда, седло, обротль, подпруга, плеть, гужи, полсть, супонь, поводы*. Перечислена кожаная обувь и элементы одежды: *рукавицы, перстатичи, деяничы, ступни (slippers), сапоги (boots), курпы (shoes sg.), лапти (bast shoes), калита (bag), мошна (purse), ремень, черес (belt)*. В словаре широко представлены названия собственно кож и шкур — просто *кожа*, а также многочисленные ее разновидности: *кожи — сырые, деланные, воловьи, коровьи, говядинные, быковинные, конинные, лосиные, козлины, телятины, овчины, оленины, волчьи, язвецовы (барсучьи, собачьи, и просто — телятины), опоек, медведно, смушки (мерлушка), овчинки, белые юфти (белая замша), белые телятины, красные юфти (красная замша), красные телятины, тими красные, тим, бораньи красные (сорт кордуана из овчины), шар, сафьян, красный шар, белый шар, поталя, ровдуга (замшевая кожа), ирха (русская белая замша), белая рукавица, красная рукавица, ворванья кожа*.

В словаре названы также материал для письма — *харатья (parchment)* и орудия труда кожевников — *скобель (plane), иголка, шило, ножницы, наперсток, нить*, а также некоторые производственные термины — *шов, крой*. Кроме того, в словаре есть названия растительных и минеральных средств, которые могли использоваться для выделки и окраски кожевенно-мехового сырья: *купорос, ярь, вишневой клей, скатны орехи (gall-nuts), рогатны орехи (horned galls), кинноварь, квасцы, вап (red ochre)*.

Советские историки и филологи, кроме словаря Т. Фенне, широко используют в работах два известных и опубликованных словаря: «Парижский словарь московитов» 1586 г. и словарь-дневник Ричарда Джеймса, составленный в 1618–1619 гг. преимущественно в Холмогорах (Ларин 1948; 1959). Кроме них А. Л. Хорошкевич называет и два менее известных немецко-русских разговорных словаря XVI–XVII вв. — словарь Томаса Шрове, датируемый концом XV в., и «Русскую книгу» из Берлинского архива, датируемую концом XVI–XVII вв. Многие совпадения названий профессий ремесленников в разных словарях позволяют предполагать, что Т. Фенне знал о «Русской книге» (Хорошкевич 1966: 208). В то же время, словарь Т. Фенне сообщает о 23 ремесленных специальностях, которых нет в иных псковских источниках. А. Л. Хорошкевич составила сравнительную таблицу названий ремесленных специалистов в лавочной книге Пскова 1585–1586 гг. и у Т. Фенне. Со своей стороны отметим, что перечень

ремесленных специалистов у А. Л. Хорошкевич не совпадает с материалами Т. Фенне в публикации 1970 г.

В целом письменные документы показывают прогрессивное развитие кожевенного дела в Пскове и подтверждают его передовое положение в использовании технических новшеств в кожевенном ремесле. Здесь можно отметить приведенное Т. Фенне название кожи — *шар*, видимо, обозначающее особый сорт жесткой подошвенной кожи. Ее выделка включала насыщение внутренних слоев золой с известью, с последующей минерализацией этого наполнителя внутри кожи. Такая операция придавала коже бóльшую толщину и жесткость, что необходимо для подошв. В лавочной книге Новгорода 1582/3 г. также отмечены *шаровники* — кожевники, обрабатывающие кожу золой (Бахрушин 1952: 30, 80). В то же время, нельзя абсолютно все перечисленные в псковском словаре Т. Фенне сорта кож относить к местному производству. Например, сафьян некоторые отечественные историки без оценки всего круга источников не совсем обоснованно относят к новгородской школе выделки XVI в. (Осипов 2012: 42–43).

Переселения ремесленников. Этот сюжет в истории средневекового Пскова позволяет в некоторой степени объяснить причины быстрого распространения отдельных передовых технологий и техники ремесла в пределах Московского государства в XVI в.

Известно, что в 1510 г. великий князь Василий Иванович приехал в Псков и повелел переселить из него 300 виднейших семейств. Эти события отражены в «Повести о взятии Псковском», включенной в состав Псковской 1-й летописи, в частности, ее Погодинского списка (Псковские летописи 2003: 95). В эти 300 семей входили семьи посадников, бояр, старост купецких и купцов. На их место были поселены семьи помещиков из разных городов, в частности, Казани, Можайска, Твери, Переяславля Рязанского. Часть псковских помещиков, имевших до этого поместья в Пскове, отмечены в Тысячной книге 1550 г. как помещики в Подмоскovie, что позволяет говорить о частичном переселении псковичей и в саму Москву. По мнению Н. Н. Масленниковой, главной службой переселенных помещиков была «государственная служба» в Москве, в войске великого князя и в местных городских войсках (Масленникова 1955: 89, 117, 120–122, 124). Эти данные позволяют предполагать частичное переселение в Москву и другие города в составе административной верхушки псковских ремесленников и купцов, организующих там производство и сбыт ремесленной продукции. Кроме того, отмечается усиление торгового обмена Пскова с Москвой. Известно, например, что в 80-е гг. XVI в. в Пскове был «гостинный двор приезжих гостей московских» (Псков... 1913: 14–15).

С переселениями псковичей можно связать и определенный сюжет. Летописная запись о переселении туда части псковитян объясняет сходство манеры пошива сапог первой половины XVI в., найденных в раскопках последнего времени (Фатюнина 2011) и сходных с более ранней коллекцией кожаных предметов с этого памятника (Оятева 1974). Большое сходство манера раскроя, пошива и декора кожаных сапог из Переяславля обнаруживает с обувью из Ивангородской крепости (рис. 10). В этом отношении показательна нитяная расшивка на головках 6 переславских сапог, идентичная находке в Ивангороде (Фатюнина 2012: 289, рис. 4). При этом надо отметить, что сама манера

декора головок и голенищ сапог расшивкой для этого времени достаточно редко встречаемая (Курбатов 2008б: 251; Осипов 2006: 65). На сегодня можно считать, что толчок к появлению сапог «русского» стиля в этом городе дан в Пскове. Следует отметить и еще одну возможную причину переселения псковичей в Переяславль — там находился один из великокняжеских дворов-хозяйств (Бахрушин 1952: 26). Отметим, что в начале XVI в. в Переяславле Рязанском уже существовал значительный ремесленный посад, как это видно из жалованной грамоты великого князя Василия Ивановича от 25 января 1507 г.: «Се яз, князь велики Василей Иванович всея Руссии пожаловал своих сокольников переславских, саколничя пути, что живут в городе Переславле на посаде: ...помочника Полуту Головина... Ивашка сапожного мастера... Першу с(е)делника... Федка сапожника» (Акты... 1964: 46–47).

Выводы. С. В. Бахрушин, а позднее А. П. Пронштейн и А. Г. Задера не отметили Псков среди крупнейших кожевенных центров в складывающемся общерусском рынке, хотя сделали упор на его связях с Западной Европой и поставках через Псков металлов и других товаров, дефицитных в Московии (Бахрушин 1952: 76–82; Пронштейн, Задера 1977: 128–129). Однако наличный объем всех видов исторических источников позволяет говорить о сложении в Пскове в конце XV в. самобытной школы в разных областях ремесла, в том числе и в области выделки различных кож высокого качества. Торговля этими кожами и пошитыми из них изделиями во многом определяла уровень и тенденции развития этого ремесла в Московском царстве. Одной из причин такого передового положения можно назвать давнее знакомство с ремесленными традициями Запада. Это подтверждает известный летописный рассказ о приглашении псковских строителей для определения причин обрушения Успенского собора в Московском Кремле в 1474 г. Приглашение псковских мастеров основывалось на убеждении великого князя Ивана III в том, что «поне же бо и ти от Немець пришли навикши тамо тому делу каменосечной хитрости» (Ильин 1968: 190–191).

Таким образом, можно подвести итог, что болезненный процесс воссоединения Пскова с остальными землями Московского государства в начале XVI в. имел позитивное значение для максимально быстрого распространения передовых ремесленных технологий на значительных территориях централизованного государства. Причины сложения передовых традиций ремесла в Пскове надо видеть в длительных прямых торговых и культурных контактах Пскова с Западом, прежде всего, с городами Прибалтики, служившими проводниками западных традиций в земли Московской Руси.

Литература

- Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI в. Т. III. 1964. М.: Изд. АН СССР.
- Бахрушин С. В. 1952. Научные труды. Т. I. Очерки по истории ремесла, торговли и городов Русского централизованного государства XVI — начала XVII в. М.: Изд-во АН СССР.
- Бобре В. В. 1987. Типы кожаной обуви Риги XII—XIV вв. и их ареалы // КСИА 190, 25–31.

- Вахрос И. С.* 1959. Наименования обуви в русском языке. 1. Древнейшие наименования до петровской эпохи // Ежегодник Института по изучению СССР и Финляндии. Приложение к № 6/10. Хельсинки.
- Векслер А. Г., Осипов Д. О.* 2004. Кожаная обувь из раскопок в историческом центре Москвы // Энговатова А. В. (ред.). Археология Подмоскovie: Материалы научного семинара. М.: ИА РАН, 333–342.
- Вздорнов Г. И.* 1968. Постройки псковской артели зодчих в Москве (по летописной статье 1476 г.) // Лазарев В. Н. и др. (ред.). Древнерусское искусство. Художественная культура Пскова. М.: Наука, 174–188.
- Генрих Латвийский.* 1938. Хроника Ливонии. Введ., пер. и комментарии С. А. Аннинского. М.-Л.: Изд-во АН СССР.
- Гроздилов Г. П.* 1962. Раскопки древнего Пскова // АСГЭ 4, 7–76.
- Евлентьев К. Г.* 1870-А. Книги псковитина, посадского торгового человека Сергея Иванова сына Поганкина (1644–1685). Фонды ПХОИАХМЗ. Псков.
- Зубкова Е. С.* 2011. Следы кожевенного ремесла в Старом Застенье средневекового Пскова по материалам раскопок на ул. Ленина // Древности Пскова. Археология. История. Архитектура. Псков. Вып. 2, 92–110.
- Ильин М. А.* 1968. Псковские зодчие в Москве в конце XV в. // Лазарев В. Н. и др. (ред.). Древнерусское искусство. Художественная культура Пскова. М.: Наука, 189–196.
- Косточкин В. В.* 1952. Крепость Ивангород // МИА 31, 224–317.
- Курбатов А. В.* 1991. Коллекция кожаных предметов из Ивангорода (по раскопкам 1980–1986 гг.) // КСИА 205, 71–77.
- Курбатов А. В.* 1997. Археологическая реконструкция застройки Большого Бояршего города в Ивангородской крепости (Раскоп № 1) // Мильчик М. И. (ред.). Крепость Ивангород. Новые открытия. СПб.: Дмитрий Буланин, 86–123.
- Курбатов А. В.* 2004а. Кожевенное производство Твери XIII–XV вв. (по материалам раскопок Тверского кремля 1993–1997 гг.). СПб.: Петербургское Востоковедение.
- Курбатов А. В.* 2004б. Обувная мода в средневековой Руси (по находкам из раскопок в Твери) // Кирпичников А. Н., Седых В. Н. (ред.) Археология, история, нумизматика, этнография Восточной Европы. Сб. статей памяти проф. И. В. Дубова. СПб.: Изд-во С-Петербургского ун-та, 102–115.
- Курбатов А. В.* 2006. Кожаные предметы из раскопов IVA и XIV на ул. Ленина. // Лабутина И. К. (ред.). АИППЗ. Материалы LI научного семинара, 87–112.
- Курбатов А. В.* 2008а. О внестратиграфическом датировании комплексов кожаных изделий в русских средневековых городах // Записки ИИМК РАН 3, 210–233.
- Курбатов А. В.* 2008б. Музееведение и археология — две составляющих в изучении древнерусской моды и кожевенного ремесла // АВ 15, 246–254.
- Курбатов А. В.* 2009а. Торговля кожевенными товарами в средневековой России или «феномен русской кожи» // Носов Е. Н. (ред.). Археология и история Литвы и Северо-запада России в раннем и позднем средневековье. СПб.: Нестор-История, 122–133.
- Курбатов А. В.* 2009б. О специальной воинской обуви в средневековой России // Носов Е. Н., Белецкий С. В. (ред.). «Краеугольный камень». Археология, история, искусство, культура России и сопредельных стран. Т. 1. СПб.: Ломоносов, 416–431.
- Курбатов А. В.* 2011. «Инородные» кожаные предметы в средневековой Руси: движение людей и вещей // SP 5, 183–200.

- Курбатов А. В. 2012. Кожевенное ремесло в средневековой России. Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. СПб.
- Курбатов А. В., Харлашов Б. Н. 2004. Кожевенное производство древнего Пскова по материалам Васильевского раскопа 1990 г. // АИППЗ. Мат-лы 50-го научного семинара, 137–153.
- Курбатов А. В., Мирецкий А. В. 2011. Мастерская рукавичника XVIII в. на б. Зятьмацком посаде г. Твери (по раскопкам 2000 г. на ул. Революционная, 15) // ТАС 8 (II), 273–282.
- Лабутина И. К. 1970. Раскопки в Пскове у здания Педагогического института // АО 1969, 25–26.
- Лабутина И. К. 1994. Раскоп 1967 г. в Окольном городе Пскова. // Седов В. В. (ред.). АИП 2, 6–43.
- Ларин Б. А. 1948. Парижский словарь москвитов 1586 г. Рига.
- Ларин Б. А. 1959. Русско-английский словарь-дневник Ричарда Джеймса 1618–1619 гг. Л.
- Маньков А. Г. 1951. Цены и их движение в Русском государстве в XVI в. М.-Л.: ЛОИИ АН СССР.
- Масленникова Н. Н. 1955. Присоединение Пскова к Русскому централизованному государству. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та.
- Назарова Е. Л. 1998. Место Ливонии в отношении между Новгородом и Псковом. 1-я четверть XIII в. // Янин В. Л. (ред.). Историческая археология. Традиции и перспективы. М.: Памятники исторической мысли, 350–360.
- Осипов Д. О. 2006. Обувь московской земли XII–XVIII вв. Материалы охранных археологических исследований. Т. 7. М.: ИА РАН.
- Осипов Д. О. 2012. Кожевенно-сапожное ремесло Великого Новгорода X–XVII вв. (Комплексное исследование). Автореф. дис. д-ра ист. наук. М.
- Оятева Е. И. 1962. Обувь и другие кожаные изделия древнего Пскова // АСГЭ 4, 77–94.
- Оятева Е. И. 1974. Обувь из раскопок Переяславля-Рязанского // Монгайт А. Л. (ред.). Археология Рязанской земли. М.: Наука, 189–192.
- Постникова-Лосева М. М. 1968. Серебряное дело Пскова XVI–XVII веков. Приложение. Словарь псковских мастеров-серебряников XVI, XVII и начала XVIII века. // Лазарев В. Н. и др. (ред.). Древнерусское искусство. Художественная культура Пскова. М.: Наука, 157–173.
- Пронштейн А. П., Задера А. Г. 1977. Ремесло // Сахаров А. М. (ред.). Очерки русской культуры XVI в. Ч. 1. М.: Изд-во Московского ун-та, 99–136.
- Псков и его пригороды. 1913. Сборник материалов архива Министерства Юстиции. Т. V. М.
- Псков и его пригороды. 1914. Сборник материалов архива Министерства Юстиции. Т. VI. М.
- Псковские летописи. 2003. М.: Языки славянской культуры (ПСРЛ. Т. V, вып. 1).
- Псковский областной словарь. 2004. Вып. 14. СПб.: Изд-во С-Петербургского ун-та.
- Салмина Е. В. 2010. Работы на Петровских VIII–IX раскопах в 2007–2008 гг. // АИППЗ. Заседание 55, 39–47.
- Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 2 (1975), 5 (1978), 7 (1980), 8 (1981), 15 (1989), 16 (1990), 24 (2000). М.: Наука.
- Сорокатый В. И. 2003. Складень «Походная церковь» начала XVI в. из московского частного собрания: К вопросу об элитарном слое искусства Пскова // Седов В. В. (ред.). Псков в российской и европейской истории (к 1100-летию первого летописного упоминания). Т. 2. М.: ИА РАН, 372–374.

- Фадзеева В. Я. 1984. Да пытання аб старажытнарускім арнаментальным шыцці X–XIII ст.ст. // Помнікі старажытна-беларускай культуры. Новыя адкрыцці. Мінск, 78–83.
- Фатюнина О. А. 2011. Кожаная обувь Переяславля Рязанского конца XV–XVI века // Энгватова А. В. (ред.). Археология Подмосковья. Материалы научного семинара. Вып. 7. М.: ИА РАН, 217–221.
- Фатюнина О. А. 2012. Детали кожаных сапог Переяславля Рязанского XV — начала XVII века // Энгватова А. В. (ред.). Археология Подмосковья. Материалы научного семинара. Вып. 8. М.: ИА РАН, 286–296.
- Флетчер Джильс. 1906. О государстве Русском. Изд. 3-е. СПб.: Изд-во А. С. Суворина.
- Хорошкевич А. Л. 1966. Ремесло Пскова по немецко-русскому словарю начала XVII в. // Шунков В. И. (ред.). Города феодальной России. М.: Наука, 207–215.
- Хорошкевич А. Л. 1980. Русское государство в системе международных отношений конца XV — начала XVI в. М.
- Цауне А. В. 2004. Археологические свидетельства в реконструкциях планировок города Риги XII–XIII веков // Макаров Н. А. (ред.) Восточная Европа в Средневековье: К 80-летию Валентина Васильевича Седова. М.: Наука, 342–349.
- Цауне А. В. 2009. Русское подворье в средневековой Риге // Макаров Н. А. (ред.). Великий Новгород и средневековая Русь. М.: Памятники исторической мысли, 533–545.
- Чистякова Е. В. 1950. Псковский торг в середине XVII в. // ИЗ 34, 198–235.
- Hammerich L. L., Jakobson R. 1970. Tonnies Fenne's Low German Manuel of Spoken Russian Pskov 1607. Vol. II. Copenhagen: Ejnar Munksgaard.